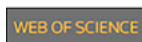

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Федорова В. И. Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков / В. И. Федорова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 489—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-489-508.

Fedorova, V. I. (2023). Rural Bureaucracy and Peasantry in Yenisei Province of 19th — early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 489-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-489-508. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-489-508

Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков

Федорова Вера Ивановна

orcid.org/0000-0003-2514-9728

доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
vi-fedorova@yandex.ru

Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

Rural Bureaucracy and Peasantry in Yenisei Province of 19th — early 20th Centuries

Vera I. Fedorova

orcid.org/0000-0003-2514-9728

Doctor of History, Professor
Department of National History
vi-fedorova@yandex.ru

Krasnoyarsk State
Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

© Федорова В. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности формирования и развития сельской бюрократии как специфической социопрофессиональной группы в Енисейской губернии на рубеже XIX — начала XX веков. На основе обширного комплекса делопроизводственных документов (формулярные списки крестьянских начальников, личные дела волостных и сельских старост, писарей, журналы заседаний уездных съездов крестьянских начальников) анализируются динамика численности, социальный состав, образовательный уровень, должностные обязанности, социально-правовой статус основных групп сельской бюрократии: крестьянских начальников, волостных и сельских старост, писарей. Выявляется дуализм в отношениях сельской власти и крестьянства. Отмечается, что, с одной стороны, бюрократизация органов крестьянского самоуправления вела к централизации власти в деревне в руках сельской администрации и отчуждению крестьян от участия в самоуправлении. Установлено в то же время, что, с другой стороны, бюрократизация приводила к нарастанию анархических настроений в деревне. Утверждается, что главным итогом бюрократизации органов крестьянского самоуправления стало их разложение и сращивание на криминальной основе сельской администрации с деревенской торгово-ростовщицкой верхушкой и уездными полицейскими чиновниками.

Ключевые слова:

сельская бюрократия; крестьянские начальники; волостные головы; сельские старосты; писари; Енисейская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the formation and development of the rural bureaucracy as a specific socio-professional group in the Yenisei province at the turn of the 19th — early 20th centuries are considered. On the basis of an extensive set of office documents (official lists of peasant chiefs, personal files of volost and village elders, clerks, journals of meetings of county congresses of peasant chiefs), the dynamics of the number, social composition, educational level, job responsibilities, social and legal status of the main groups of rural bureaucracy are analyzed: peasant chiefs, volost and village elders, clerks. Dualism is revealed in the relations between the rural authorities and the peasantry. It is noted that, on the one hand, the bureaucratization of the organs of peasant self-government led to the centralization of power in the village in the hands of the rural administration and the alienation of peasants from participating in self-government. It was established at the same time that, on the other hand, bureaucratization led to the growth of anarchist sentiments in the countryside. It is argued that the main result of the bureaucratization of the organs of peasant self-government was their decomposition and merging on a criminal basis of the rural administration with the village trade and usury elite and district police officials.

Key words:

rural bureaucracy; peasant chiefs; hairy heads; village elders; clerks; Yenisei province.

Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков

© Федорова В. И., 2023

1. Введение = Introduction

Понятие сельской бюрократии как особой социoproфессиональной группы в отечественной историографии появилось сравнительно недавно и связано с поворотом к междисциплинарным исследованиям на стыке истории и социологии. Оно базируется на социологической теории М. Вебера, рассматривавшего бюрократию как продукт эволюции системы государственного управления [Вебер, 1990]. Ученый утверждал, что бюрократия — особая статусная группа, обладающая профессиональными знаниями в области управления, со специфическими взглядами и ценностными ориентациями, которая стремится к власти в обществе. Помимо профессиональных знаний, ее характеризует наличие внутренней иерархии, корпоративное сознание, характерной чертой которого является специфический бюрократический способ мышления, основанный на нормах права и правилах формальной логики. Рост влияния бюрократии Вэбер увязывал с развитием государства и капиталистической экономики, таким образом, формирование и развитие бюрократии рассматривалось ученым как составная часть процесса перехода от традиционного общества к современному.

Методологически важным является указание Вебера на то, что бюрократия в современном обществе проникает во все сферы, что дает основание к выделению отдельных её групп, занятых в управлении разными государственными и общественными институтами. Таким институтом в царской России являлось крестьянское самоуправление, в развитии которого на рубеже XIX—XX веков наблюдается стремительная бюрократизация. Реформы 1860—1870 годов и контрреформы 1880—1890-х годов привели к тому, что власть помещика над крестьянским миром, носившая полупатриархальный характер, была заменена разветвленным полицейско-бюрократическим аппаратом, получившим полный контроль над органами крестьянского самоуправления. Главными результатами следует признать перерождение патриархальной крестьянской демократии и отчуждение членов общины от власти. Это стало частью общего политического кризиса, приведшего в начале XX века всю государственную систему России к краху. Однако в научной литературе проблема политического кризиса рассматривалась традиционно как кризис институтов власти, а не её но-

сителей в лице профессионального слоя управленцев. В итоге мы имеем обширную историографию органов крестьянского самоуправления на общероссийском материале в трудах К. Р. Качоровского, А. М. Анфимова, В. П. Данилова, П. Н. Зырянова, В. Б. Безгина [Качоровский, 1906; Анфимов, 1962; Данилов, 1971; Зырянов, 1992; Безгин, 2017]. На сибирском материале проблему изучали Н. Я. Новомбергский, Л. В. Котович, Н. Г. Суворова, И. А. Коновалов, М. А. Гордеева [Новомбергский, 1903; Котович, 1989, Суворова, 1997; Коновалов, 2014; Гордеева, 2018]. Историками изучены главным образом механизмы функционирования органов крестьянского самоуправления в фискальной, хозяйственной и социальных областях. Гораздо менее исследователей привлекала тема социальных субъектов, приводивших в движение эти механизмы: их численность, структура, социально-правовой статус, профессиональные компетенции, моральная мотивация, то есть всё, что касается их социологической характеристики.

Пионером социологического подхода к изучению сельской бюрократии в современной отечественной историографии можно назвать уральского историка Л. Н. Мазур. В своих публикациях она выделяет само понятие сельской бюрократии как «особой социальной группы, становление и развитие которой приходится на XIX—XX века» [Мазур, 2014, с. 256]. Автор относит к сельской бюрократии должностных лиц, наделенных административными функциями — земских начальников, волостных старшин, волостных судей, писарей. Мазур считает, что на селе еще не произошло полного отделения бюрократии от общества, так как сохранялась возможность ее контроля благодаря демократическим процедурам выборов [Там же, с. 258]. Это тормозило процесс ее оформления в особую социопрофессиональную группу.

В целом соглашаясь с отмеченной автором общей тенденцией эволюции сельской власти, следует заметить, что динамика этого процесса была довольно противоречивой и зависела от множества слагаемых, которые определялись региональными особенностями. В этом отношении особый интерес представляет сибирский регион, где, во-первых, община как сословно-корпоративный институт была изначально слабее, чем в губерниях центральной России. Во-вторых, начавшиеся массовые переселения в Сибирь на рубеже XIX—XX веков очень сильно изменили социальную ситуацию в деревне, усилив противоречия между старожилами и переселенцами. Это в свою очередь повысило роль бюрократии, которая взяла на себя функции арбитра между ними и куратора переселенческого движения. Неизбежным следствием стало расширение полномочий сельской администрации, что вело к усилению профессионализации её функционеров и, в конечном счете, отрыву их от крестьянской массы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение региональных особенностей процесса бюрократизации сельского самоуправления позволяет не только конкретизировать общую теоретико-социологическую схему, но и существенно расширить рамки того, что Мазур называет «топографическим» методом изучения проблемы [Там же, с. 258]. Для данного исследования выбрана Енисейская губерния, которая представляет интерес именно тем, что динамика социальных процессов здесь в начале XX века носила взрывной характер. Если в Западной Сибири они развивались относительно равномерно, так как этот регион активно заселялся в течение всего XIX века, то Енисейская губерния в силу своей удаленности долгое время оставалась островком патриархального благополучия, где крестьянство не сталкивалось с серьезными проблемами в организации своей жизни и вполне удовлетворялось патриархально-традиционными формами управления. Начавшееся в начале XX века столыпинское переселение привело к взрывному увеличению численности населения, что резко ускорило перестройку всех институтов внутри сельского общества, способствуя ломке патриархальных стереотипов.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регулировавшие деятельность органов крестьянского управления: «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года, «Положение о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири», «Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 2 июня 1898 года. Они позволяют выявить должностные права и обязанности представителей крестьянской администрации. Ценную информацию по численности, структуре и составу сельской бюрократии дают делопроизводственные материалы: формулярные списки крестьянских начальников, личные дела волостных и сельских старост, писарей, хранящиеся в фонде Енисейского губернского управления. Использовалась также делопроизводственная документация учетного характера: журналы заседаний крестьянских начальников, протоколы сельских и волостных сходов из фондов Съезда уездных крестьянских начальников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Этапы бюрократизации крестьянского самоуправления в Сибири

Начало формированию сельской бюрократии в сибирской деревне было положено реформой П. Д. Киселева 1837—1841 годов, в ходе которой традиционные структуры крестьянского самоуправления были интегрированы во властную вертикаль. Её высшим звеном являлось Министерство государственных имуществ, в подчинении которого находились

губернские палаты госимуществ. Им подчинялись окружные начальники, заменившие власть становых приставов. Деятельность волостных и сельских сходов была жестко регламентирована, выборные лица должны были утверждаться губернскими палатами. Избрание в органы сельского самоуправления ограничивалось возрастным и имущественным цензом. Увеличилась численность выборных должностей. Помимо волостного головы, старост, сотских, десятских, избирались сборщики податей, их помощники, смотрители хлебозапасных магазинов. Должностные лица получали за свою работу денежное вознаграждение и пользовались особым статусом — личной неприкосновенностью.

Крестьянская реформа 1861 года практически не коснулась сибирских крестьян. Лишь в 1879 году на крестьян Западной Сибири был распространен новый порядок крестьянского самоуправления на основе «Положения 19 февраля 1861 года», который в 1882 году был установлен и для Восточной Сибири. Однако в отличие от европейской части страны в Сибири административная власть не была отделена от судебной, поэтому земские заседатели, на которых возлагалось руководство крестьянским самоуправлением, одновременно являлись и заседателями земских судов.

Завершение бюрократизации системы сельского самоуправления относится к 1890-м годам и связано с введением института крестьянских начальников. В итоге к концу имперского периода система сельского самоуправления имела трехзвенный вид: уездный, волостной и сельский, каждый из которых имел свой аппарат. На уездном уровне — крестьянский начальник данного участка, входивший в коллегиальный орган (Съезд уездных крестьянских начальников), и уездный исправник. Волостное звено включало волостной сход и волостное правление, состоявшее из волостного головы, писаря, волостного суда и урядника. А низшим звеном являлся сельский сход и выбранные им должностные лица (сельский староста, писарь, смотритель казенного магазина, сотские, десятские).

Непосредственно к осуществлению преобразований крестьянского самоуправления в Енисейской губернии местные власти приступили согласно распоряжению Министра внутренних дел с 15.12.1898 года. Прежнее деление на округа было заменено уездами, а каждый уезд поделен на участки, во главе каждого назначались крестьянские начальники. В 1899 году вся губерния была поделена на 21 крестьянский участок, как следствие, в первом корпусе крестьянских начальников насчитывалось 21 штатная единица. К концу имперского периода число участков и, соответственно, крестьянских начальников выросло до 33. Дополнительно к ним назначались кандидаты в крестьянские начальники, обязанные заменять их на время отсутствия.

3.2. Социальный состав, образовательный уровень, карьерный рост, профессиональные качества крестьянских начальников

Правовой статус крестьянских начальников и кандидатов в начальники определялся общими правилами Устава о службе, что означало распространение на них всех прав и обязанностей классных чиновников. Назначение на должности могло исходить от енисейского губернатора, но обязательно согласовываться с генерал-губернатором Восточной Сибири и им утверждаться. Губернские власти руководствовались в кадровом вопросе, во-первых, общими требованиями Положения о крестьянских начальниках 1898 года, а во-вторых, прагматическими задачами, которые видели в приоритете местных интересов. Согласно ст. 412 «Временного положения 1898 года о крестьянских начальниках» на их должности назначались «лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи или выдержавшие соответственное испытание» [Сборник законов ..., 1902, с. 9]. Однако поскольку в Сибири чиновник с высшим образованием был редкостью, то губернаторам было уже в 1898 году предоставлено право утверждать в должности крестьянских начальников лиц, не обладавших соответствующим образовательным цензом, но прослуживших не менее трех лет в учреждениях по крестьянскому ведомству. Пользуясь этим послаблением, сибирские губернаторы при отборе кандидатов в первую очередь отдавали предпочтение хотя и не очень образованным чиновникам, но местным, а не приезжим. Так, из 21 крестьянского начальника первого состава практически половина кандидатур была отобрана из чиновников, прослуживших в разных губернских ведомствах (канцелярии губернатора, присутствии по крестьянским делам, акцизном управлении) уже по несколько лет. Из них только у троих были дипломы об окончании университетов.

В целом образовательный уровень подавляющей массы крестьянских начальников не отвечал их профессионально-служебному предназначению. Хотя, надо заметить, целевой подготовки к этой должности, профессиональные компетенции которой были столь широки, что требовали знаний из самых разных областей (административного и гражданского права, сельского хозяйства, фискальной и пр.), в то время просто не существовало. Из анализа 31 личного дела крестьянских начальников выясняется, что университетские дипломы имели 25,8 %, обучались в университетах, но курса не окончили — 19,4 %, среднее образование получили 25,8 %, специальное начальное — 29 %. Были и такие, кто не имел даже начального образования. Так, статский советник В. Н. Милорадовский доучился только до 3 класса духовного училища, но до своего назначения на должность крестьянского начальника в Минусинском уезде он 26 лет прослужил на разных должностях в Енисейской губернии [ГАКК, ф. 595, оп. 53, д. 807, л. 1об-5].

На чиновной лестнице крестьянские начальники стояли невысоко, занимая преимущественно ступени обер-офицерского чина. Из 85 чиновников, занимавших в период с 1899 по 1915 годы должности крестьянских начальников в Енисейской губернии, только 1 при назначении на должность имел чин статского советника. Остальные получили его за службу в этой должности. У некоторых из них на это порой уходила вся их карьерная жизнь. Например, А. В. Востоков, сын священника, окончил Симбирскую духовную семинарию, начал службу в 1883 году канцелярским служащим в канцелярии Сызранского предводителя дворянства, в 1899 году он был переведен из Ярославского губернского управления в чине титулярного советника в Енисейскую губернию и назначен крестьянским начальником одного из участков Канского уезда. А через год он уже был произведен в коллежские асессоры и назначен председателем уездного Съезда крестьянских начальников. Служба шла успешно: он дважды назначался неперменным членом губернского правления по крестьянским делам, что может рассматриваться как признание его деловых качеств. Признанием его морального авторитета служит назначение почетным мировым судьей по Красноярскому уезду, в этой должности он отбыл два трехлетних срока. И, наконец, в 1912 году он достиг вершины своей карьеры — чина действительного статского советника [ТАКК, ф. 595, оп. 53, д. 800, л. 86].

Всего же из 85 человек, пребывавших в должности крестьянских начальников в Енисейской губернии, за 1899—1915 годы чина статского советника достигли лишь 8 чиновников (9,4 %). В подавляющей же массе чиновники, прослужившие в губернии крестьянскими начальниками более 10 лет, не поднимались выше надворного советника. «Ветеранов» среди них было немного. Те, кто отдал службе более 10 лет, составляли всего лишь 6 человек (7 %), группа служивших от 5 до 10 лет также была немногочисленной — 11 человек (13 %). Преобладали те, кто прослужил от года до 5 лет — 68 (80 %), при этом отслуживших минимальный срок по 1—2 года насчитывалось 45 человек (52,9 %).

Служба в сельской глубинке вдали от губернского центра не могла привлекать тех, кто имел большие карьерные притязания. Поэтому среди общей массы крестьянских начальников преобладали люди низких чинов, которые в силу невысокого образовательного ценза и отсутствия связей не надеялись на стремительную карьеру, а могли лишь терпеливо «карабкаться» по лестнице хотя бы до надворного советника. Так, среди первого состава крестьянских начальников из 21 лишь 7 относились к штаб-офицерскому рангу, остальные не поднимались выше обер-офицерского уровня. Анализ социального состава на основании выборки из формулярных списков 31 чиновника показывает, что доля выходцев из дворян составляла 12,9 %. Из них

не было ни одного, кто бы имел поместье. Самой значительной была группа выходцев из разночинцев — 35,4 %, затем шли выходцы из чиновной среды — 22,6 %, духовенства — 19,4 %. И всего лишь 3 крестьянских начальника происходили из крестьян. А. И. Поздняков и К. Т. Чельный начали службу топографами в землеустроительных партиях. М. Н. Хижинский окончил юридический факультет Томского университета и был назначен в 1916 году крестьянским начальником Канского уезда.

На крестьянских начальников возлагались обширные обязанности: следить, как было сказано в Положении, «за всеми установлениями крестьянского общественного управления» [Сборник законов ..., 1902, с. 405]. Он должен был утверждать решения сельских и волостных сходов, назначение в должности крестьянской администрации. Также в его функции входило разбирать жалобы крестьян на действия сельских властей, контролировать мирские капиталы и кредитные учреждения в пределах своего участка, заниматься землеустройством старожилов и переселенцев, разрешать земельные споры, осуществлять санкции по отношению к нарушителям общественного порядка. Кроме того, на крестьянского начальника возлагались обязанности исполнять поручения губернских властей по обеспечению «народного продовольствия», выполнению населением натуральных повинностей и соблюдению санитарных и противопожарных требований, следить за состоянием сельских школ, охраной полей и лугов от потрав и насекомых и в целом заботиться о «хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян вверенного ему участка» [Там же]. Осуществление этих полномочий было связано с огромным оборотом бумаг и постоянными разъездами по участку, который по своей площади нередко достигал размеров некоторых губерний в европейской части страны.

Принято считать, что крестьянские начальники обладали такими правами, которые превращали их власть в беспредел над крестьянами. Однако, как следует из Положения, это не соответствовало букве закона. Во-первых, каждый крестьянский начальник должен был действовать в пределах законов о правах крестьян, и любое их нарушение могло быть оспорено в окружном суде вышестоящими органами — губернским присутствием по крестьянским делам. Губернские власти могли ревизовать действия крестьянских начальников на предмет «правильного» исполнения должностных обязанностей и делопроизводства. Во-вторых, он должен был координировать свои действия с решениями коллегиального органа — уездного Съезда крестьянских начальников и ежегодно перед ним отчитываться. Съезд имел право отменять постановления участкового начальника. И, в-третьих, крестьяне имели право подавать жалобы на действия крестьянского начальника своего участка. Учитывая малограмот-

ность населения и низкую исполнительную дисциплину как уездных, так и губернских чиновников, эти правила в большей степени оставались благими намерениями на бумаге. Тем не менее в архивных фондах Съездов крестьянских начальников отложился большой материал, свидетельствующий о том, что как крестьяне снизу, так и губернские инстанции сверху боролись со злоупотреблениями крестьянских начальников.

О таких злоупотреблениях немало написано историками [Степанин, 1957; Никулин, 1987; Гинев, 2015; Дамешек и др., 2016; Гермизеева, 2019]. В их трудах фигура крестьянского начальника предстает олицетворением бюрократического произвола и хищничества. Главный упор авторы делают на разоблачение действий репрессивного характера по отношению к крестьянам: отмену решений сельских и волостных сходов, устранение выборных лиц, нарушение хозяйственных интересов крестьян. Однако при этом, как правило, игнорировалось то обстоятельство, что и действия крестьян часто противоречили существующим юридическим нормам. В решениях крестьянских сходов, волостных судов проявлялась борьба групповых и личных интересов сельской администрации и тесно с ней связанной торгово-ростовщической деревенской верхушки. Это принимает особенно острые формы с ростом переселенческого движения. Анализ жалоб крестьян, подававшихся в адрес участковых крестьянских начальников и уездных съездов, свидетельствует о том, что правовой произвол начинался внизу — в самом сельском обществе. Представители сельской администрации сплошь и рядом использовали власть, чтобы лоббировать личный интерес или даже просто утвердить свой привилегированный статус в глазах рядовых общинников. Учитывая низкий уровень общей культуры и правосознания крестьян, это часто делалось в грубой форме, оскорбляющей достоинство личности. И в таких условиях на крестьянских начальников возлагалась задача не только контролировать законность принимаемых сельской властью решений, но и быть в глазах народа арбитром, олицетворяя образ власти — как отца, строгого, но справедливого. Данная установка квалифицировалась историками как политика патернализма, а введение института крестьянских начальников по этой причине интерпретировалось как одна из «контрреформ», суть которой сводилась к консервации исторической архаики.

Однако можно посмотреть на проблему и с другой стороны. Власть, убедившись в ходе либеральных реформ, что институты сельского самоуправления не могут сдерживать социальный раскол в деревне, а даже его ускоряют, вводит новый институт, чтобы скорректировать эти процессы. При этом она действует, учитывая объективную реальность — уровень правовой и политической культуры крестьянского общества. Для того вре-

мени правосознание крестьянства, действительно, было таково, что оно апеллировало не к рационализированным юридическим формулам, а к моральной традиции и персонифицированному образу власти, поскольку еще не могло отделить юридическую норму от личностных отношений. Поэтому центральная власть решение проблемы видела не в создании демократических выборных институтов и совершенствовании законов, а в том, чтобы дать крестьянам такого «строгого, но справедливого батюшку» в лице просвещенного и заботливого чиновника.

Однако качественный состав провинциальной бюрократии был таковым, что убежденных служителей делу народного блага среди них оказывалось крайне мало. Либеральная и демократическая интеллигенция не шла в крестьянские начальники, хотя это могло бы стать полем для того, чтобы приносить народу реальную пользу. Среди контингента крестьянских начальников в губернии преобладали чиновники, затем шли отставные военные нижних чинов, и всего лишь 5—6 % составляли люди, имевшие специальное образование, связанное с потребностями деревни: агрономы, ветеринары, землемеры. Но и они, поступая на службу, вынуждены были усваивать родовые черты бюрократии как социопрофессиональной группы.

Вебер относил к ним эгоистичное стремление бюрократии использовать преимущества служебного положения для личной выгоды. Отсюда ее стремление к самосохранению как корпоративного сообщества, которое закреплено строгой иерархией чинов, этикой лояльности вышестоящему начальству, преданностью не делу, а своей корпорации. При этом бюрократ олицетворяет свои личные карьерные интересы с государственными, что дает ему осознание своей исключительной роли в жизни общества. Правда, Вебер этими чертами характеризовал так называемую патримониальную бюрократию, которая предшествует типу рациональной бюрократии. В царской России последняя, по его мнению, еще не сложилась.

В сибирской провинции, где бюрократическая вертикаль в лице губернской власти была слаба (нехватка профессионально подготовленных кадров, огромные расстояния при плохих коммуникационных связях), полностью отсутствовали какие-либо даже условно демократические институты типа земств, как в центральной России, и чиновник среднего звена, вроде крестьянского начальника, становился символом абсолютной власти. Она воспринималась не как рационально устроенная система прав и обязанностей гражданина, а как проявление неограниченной личной воли. То, что в народе называлось «закон — тайга». Обратной ее стороной была анархия. Этот дуализм политического сознания в равной степени был присущ как самой власти, так и народному сознанию. Он ярко проецировался в отношении крестьян к органам крестьянского самоуправления.

3.3. Волостное и сельское начальство

Крестьянское самоуправление в Сибири по структуре и функциям принципиально не отличалось от своего аналога в европейской части страны. В компетенции крестьянского самоуправления находились главные вопросы крестьянской жизни: раскладка податей и повинностей, земельные переделы, организация хозяйственных работ, распоряжение мирскими капиталами и т. д. Низовым органом распорядительной власти являлся сельский сход, избиравший должностных лиц, а также представителей в волостной сход, являвшийся следующей ступенькой распорядительной власти. К ведению волостного схода Положение о крестьянах относило: выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда; принятие общих решений, относящихся к хозяйственным и публичным делам волости; определение и распределение мирских сборов и повинностей и др. Исполнительные функции были возложены на волостные и сельские правления, они, собственно, и образовывали сельскую администрацию. В её структуру входили волостные головы, старосты и кандидаты на эти должности, писари и их помощники, сборщики податей, смотрители хлебных магазинов, сотские, десятские.

Ключевой фигурой сельской администрации являлся староста, объем его полномочий был чрезвычайно широк. Помимо основных обязанностей — приводить в исполнение все решения сельского схода, объявлять распоряжения вышестоящих инстанций, — на него возлагалось наблюдение за сбором податей, отбыванием крестьянами повинностей, взыскание недоимок, распоряжение мирскими капиталами, обеспечение общественного порядка, надзор за всеми мирскими учреждениями: хлебозапасными магазинами, школой, больницей. У волостных голов аналогичные обязанности распространялись по отношению ко всем селениям, входившим в состав волости. Кроме того, волостной голова являлся председателем волостного суда. В то же время он сам не подчинялся юрисдикции волостного суда, крестьяне могли пожаловаться на его действия только крестьянскому начальнику. Для исполнения должностных обязанностей волостной голова и сельские старосты наделялись особым правовым статусом, который позволял им применять меры административного принуждения к крестьянам: они имели право арестовывать подозреваемых в преступлениях, налагать административные взыскания.

Бюрократизация органов крестьянского самоуправления, резко усилившаяся после введения института крестьянских начальников, своим неизбежным следствием имела падение роли сельских сходов и выборных лиц. Это в конечном счете вело к отчуждению крестьян от власти, выражавшемуся в росте абсентеизма, учащении фактов неподчинения решениям сходов и

приказам должностных лиц. Анализ материалов волостных судов и журналов крестьянских начальников говорит о том, что крестьяне относились к выборам и выборным должностям не как к праву участвовать в принятии решений, определяющих их жизнь, а как к обременительной общественной повинности. Они всячески пытались уклониться от выборов в должности старост, заседателей, перекладывая эту обязанность на тех, кто по своему положению в общине и моральным качествам не пользовался авторитетом. Число крестьян, исполнявших общественные должности более одного трехлетнего срока, в начале XX века становится всё меньше. Учащаются случаи выборов на общественные должности ссыльнопоселенцев, которые были слабо связаны с хозяйственными интересами крестьян и в силу своих сомнительных моральных качеств не стремились к дисциплинированному исполнению постановлений волостных и уездных властей. Волостные суды были просто завалены жалобами как со стороны крестьян на несправедливые действия сельской администрации, так и со стороны старост на неподчинение или даже на оскорбления их общинниками. В документах имеется множество примеров того, как иски по гражданским делам решались не путем судебной процедуры, а, так сказать, неформально: путем подношения в денежной или материальной форме старосте, писарю или заседателю. Это создавало общую ситуацию вседозволенности, которой прежде всего пользовалась экономически сильная верхушка в деревне. Уездная и губернская власть, страдавшая от неисполнительности крестьянской администрации в части сбора податей и выполнения повинностей, пыталась влиять на ситуацию, используя бюрократические рычаги — тех же крестьянских начальников. Однако в итоге получался замкнутый круг: чем сильнее было бюрократическое давление сверху, тем больше анархия снизу.

Бюрократизация крестьянского управления проявлялась в росте канцелярских обязанностей сельской администрации. Так, старосты должны были вести делопроизводство, выдавать населению всевозможные справки, нотариальные документы, вести отчетность об использовании мирских капиталов, заниматься сбором статистических данных и проч. Ежегодная отчетность представлялась по 83 формам. Это приводило к тому, что оборот бумаг в году колебался от 10 до 20 тысяч единиц. В таких условиях возрастает роль писаря в сельской администрации. Часто не староста, а именно писарь владел ситуацией в деревне, так как староста нередко был просто неграмотным. Поэтому некоторые крестьянские начальники обращались напрямую к писарю, минуя старшину.

Должность писаря требовала обширных профессиональных знаний текущего законодательства, правил делопроизводства, акцизного и финансового дела, бухгалтерского учета, гербового и воинского уставов, ос-

нов судебного и полицейского расследования и проч. В то же время образовательный ценз писарей был очень невысоким. По данным статистико-экономического исследования Енисейской губерний, проводившегося в 1890—1893 годы, более трети (35,3 %) всех волостных писарей имело домашнее образование; 11,7 % — учились в уездных училищах, 49,2 % их окончили; 35,3 % — учились в приходских училищах, из них окончили — 30,2 %; учились в средних учебных заведениях (гимназии, кадетские корпуса) — 17,7 %, окончили их — 9,5 %. [Материалы ..., 1893, с. 119—120].

Как очевидно, почти 9/10 контингента — это полуграмотные люди, не имевшие даже полноценного начального образования. Все попытки сибирской администрации организовать специальные образовательные программы в училищах для подготовки писарей, предпринимавшиеся с середины XIX века, оказались безрезультатными.

Исполнение обязанностей писаря осуществлялось за денежное вознаграждение. Оно составляло в разных волостях губернии от 1500 до 2000 руб. и выплачивалось из капитала сельского общества. Писарем обычно назначали кого-либо из крестьян сельского общества, но так как уровень грамотности крестьян был низким, то часто на эту должность мир нанимал людей из других сословий: мещан, отставных полицейских, младших военных чинов, учителей, агрономов. Так, по данным обследования Красноярского, Ачинского, Минусинского и Канского округов, доля ссыльнопоселенцев среди писарей составляла 39,4 %, мещан — 14,1 %, отставных чиновников — 4,3 %, отставных военных — 1,7 % [Там же, с. 119].

Обязанности, исполнявшиеся писарем, предоставляли широкие возможности для взяточничества и злоупотребления своим положением. Например, писари за взятки освобождали крестьян от тяжелых повинностей, прощали долги, взыскания, которые сход накладывал на конкретного крестьянина, выдавали разрешения на незаконное пользование общественными угодьями, покрывали случаи браконьерства и т. д. Очень обременительной для крестьян была практика «темных» поборов. По данным Енисейского ГЖУ за 1885 год, в волостях, кроме официально установленных податей и повинностей, существовали теневые, которые выплачивались сельскому правлению. Вся бухгалтерия теневых поборов была сосредоточена в руках писаря. Губернские власти периодически устраивали ревизии волостных правлений. Например, во время одной из ревизий в Балахтинской волости было обнаружено просто чудовищное расхождение между официальными и «темными» сборами. Сумма теневых поборов, которые крестьяне выплатили в 1891 году на содержание волостного аппарата, превышала официальные сборы в 11 раз [ГАКК, ф. 608, оп. 1, д. 3084].

Таблица 1

Официальные и «темные» выплаты на содержание
Балахтинской волостной администрации за 1891 год

Виды сборов	Официальные сборы	Теневые сборы
Жалование писарям	171,42	248,55
Канцелярские расходы волостного правления	85,71	291,45
Канцелярские расходы волостного суда	—	300
Пожалования помощникам писаря	—	1260
Жалования писарям при хлебозапасных магазинах	314,27	1665,73
Жалования писарям на почтовом тракте	—	360
Жалование писарям при сельских старостах	—	1920
Наем квартир для писарей	—	200
Общая сумма	571,40	6245,73

Настоящим бедствием для крестьян были растраты капиталов сельских обществ. Крестьяне в силу своей малограмотности не могли контролировать расходы сельской администрации, что приводило к тому, что хищения исчислялись тысячами рублей. Так, волостной писарь Уринского волостного общества за десять лет службы 1875—1885 годов растратил 15 565 руб. казенных денег и 3492 руб. — из мирского капитала [Материалы ..., 1893, с. 117].

Незаконные поборы и злоупотребления «народной власти» становились притчей во языцех. В крестьянском фольклоре отношение к писарю крайне отрицательно, очень точно оно выражено в поговорке «Сельские писаря — последняя сволочь у царя». Но в то же время крестьяне были готовы мириться с такой вороватой властью, потому что, во-первых, считали использование служебного положения для личной выгоды естественной нормой в духе вековой народной мудрости «Деньги не брать — дело не делать». Во-вторых, рассчитывали на то, что компромисс со скомпрометировавшей себя властью полезен, так как такой человек легче пойдет на какие-либо махинации с целью обойти законы, налоги, которые накладывали на крестьян чиновники, сидевшие далеко — в губернском городе или в Петербурге. С ними договориться нельзя, а с ближними можно. Народнический публицист Н. М. Астырев, хорошо знавший особенности крестьянского менталитета, подмечал, что крестьянин даже был готов уважать писаря за то, что тот «тонкая бестия, законник, крючкотвор, которым, в случае своей нужды, можно и попользоваться» [Астырев, 1886, с. 134].

Проявлением прогрессирующего разложения «крестьянской демократии» на завершающем этапе имперской истории становится криминальное сращивание сельской администрации с уездными полицейскими чиновниками. Эту тенденцию вынуждено было признавать жандармское начальство. В отчетах Енисейского ГЖУ отмечались неоднократные факты криминальной связи между уездными исправниками, с одной стороны, и сельскими старостами и писарями — с другой. Исправники покрывали злоупотребления и теневые сборы, которые сельская власть собирала с крестьян за отчисление им части от них. Они же своим волевым решением могли ставить на должности в сельские управы те кандидатуры, с которыми находились в криминальной связи. «Не греша против истины, — говорилось в отчете начальника ГЖУ, — можно сказать, что волостные писари, есть лица, назначенные исправниками. Сознавая всю свою зависимость от исправников, они являются ревностными исполнителями их воли, и как бы преступна она не была, волостные писари знают, что под защитой исправников неприятных для них последствий быть не может. Платя исправнику от 50 руб. и более в месяц, волостные писари расходы эти возмещают поборами с крестьян, и есть волости, где эти поборы составляют 8 тыс. в год» [ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 270, л. 22].

Если сопоставить масштабы финансовых злоупотреблений на разных уровнях сельской бюрократии, то очевидно, что крестьяне больше страдали не от крестьянских начальников, а от тех, кто был ближе — волостной и сельской власти. Так, за финансовые растраты из всего корпуса крестьянских начальников, насчитывавшего 85 человек, за всё время деятельности этого института с 1899 по 1917 годы было привлечено 11 человек. Средняя сумма растрат — 5 тыс. руб. [Крестьянские опекуны, 1911, с. 21—22]. Тогда как только «темные» денежные выплаты в волостях, не считая натуральных поборов, ежегодно колебались в пределах 10 тыс. рублей. Одну из причин такого положения можно усмотреть в том, что крестьянские начальники действовали в пределах своего строго очерченного служебного статуса, их действия регламентировались юридическими нормативами и контролировались выше стоящей бюрократией и судебными инстанциями. Это означало, что чиновник должен был нести личную ответственность за свои действия. А действия сельской бюрократии такого четкого юридического статуса не имели, они функционировали на основе традиционного права, в котором доминировала не личная ответственность, а корпоративная.

4. Заключение = Conclusions

Реформы 1860—1870 годов и контрреформы 1880—1890-х годов привели к тому, что власть помещика над крестьянским миром, носившая полупатриархальный характер, была заменена разветвленным полицейско-

бюрократическим аппаратом, получившим полный контроль над органами крестьянского самоуправления. В результате начинает складываться сельская бюрократия — особая социальная группа, наделенная определенным должностным статусом. В Сибири процесс её формирования имел свою специфику в силу того, что массовое переселение крестьян, усилившееся в начале XX века, изменило социальную ситуацию в деревне, углубив противоречия между старожилами и переселенцами. Это в свою очередь повысило роль бюрократии, которая взяла на себя функции арбитра между ними и куратора переселенческого движения. Неизбежным следствием этого стало расширение полномочий сельской администрации, что вело к усилению профессионализации её функционеров и, в конечном счете, отрыву их от крестьянской массы.

Главным итогом бюрократизации органов крестьянского самоуправления, функционировавших на основе традиционного права, стало их разложение и сращивание с торгово-ростовщической верхушкой, с одной стороны, и с уездными чиновниками — с другой. Такое положение вынуждены были признавать жандармские власти, обязанностью которых являлся анализ лояльности общества к власти на всех ее уровнях. В жандармских отчетах констатировалось, что в крестьянстве полностью утрачено доверие к сельской администрации, потому что в «число выборных по большей части попадают разбогатевшие крестьяне, по местному названию кулаки, которым народ не может доверять, будучи знаком с их эксплуатацией местного населения» [ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 270, л. 22]. Таким образом, попытка центральной власти модернизировать традиционную общинную систему путем инкорпорации ее в имперскую бюрократическую вертикаль с помощью института крестьянских начальников оказалась неэффективной и, в конце концов, породила ее кризис, ставший частью общего кризиса всей политической системы самодержавия.

Источники

1. Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н. М. Астырев. — Москва : Тип. В. В. Исленьева, 1886. — 272 с.
2. ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Ф. 595, Оп. 53, Д. 807, Лл. 106-5 ; Ф. 595, Оп. 53, Д. 800, Л. 86 ; Ф. 608, Оп. 1, Д. 3084 ; Ф. 827, Оп. 1, Д. 270, Л. 22.
3. Крестьянские опекуны // Сибирские вопросы. — 1911. — № 40—41. — С. 19—22.
4. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. — Иркутск : Типография К. И. Витковской, 1893. — Т. IV. — Выпуск 2. — 129 с.
5. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края : По новому, 1902 г., изд. Положений о сел. состоянии (Свод. зак., т. 9, особ. прил. К Зак. сост.), ... с разъясн. по решениям Правит. сената и циркулярам министерств / сост. Г. Г. Савич. Неофиц. изд. — Санкт-Петербург : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1903. — XL, 474 с.

Литература

1. *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны / А. М. Анфимов. — Москва : Соцэкгиз, 1962. — 384 с.
2. *Безгин В. Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин. — Москва : Common place, 2017. — 334 с. — ISBN 978-999999-0-25-7.
3. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с. — ISBN 5-01-001584-6.
4. *Гинев В. Н.* Земские начальники : объективная необходимость или реакционная контрреформа? / В. Н. Гинев // Петербургский исторический журнал. — 2015. — № 4 (8). — С. 47—64. — DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00063.
5. *Гермизеева В. В.* Деятельность съездов крестьянских начальников в Западной Сибири : к вопросу об эффективности (1898—1917) / В. В. Гермизеева // Национальные приоритеты России. — 2019. — № 1. — С. 3—8.
6. *Гордеева М. А.* Сельская администрация в составе крестьянского самоуправления Томской губернии конца XIX — начала XX в. : становление самостоятельности М. А. Гордеева / М. А. Гордеева // Журнал фронтирных исследований. — 2018. — № 4. — С. 11—22. — DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10019.
7. *Дамешек Л. М.* Проведение в жизнь «Временного положения» о крестьянских и «инородческих» начальниках Сибири 1898—1917 г. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — Т. 23. — № 2. — С. 71—75. — DOI: 10.15372/HSS20160216.
8. *Данилов В. П.* К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России / В. П. Данилов // Проблемы социально-экономической истории / В. П. Данилов. — Москва : Наука, 1971. — С. 341—359.
9. *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 / П. Н. Зырянов. — Москва : Наука, 1992. — 256 с.
10. *Качоровский К. Р.* Русская община / К. Р. Качоровский. 2-е изд. — Москва : Типо-литография Русского товарищества, 1906. — 362 с.
11. *Коновалов И. А.* Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 3 (40). — С. 13—19.
12. *Котович Л. В.* Организация общественного самоуправления у русских крестьян Сибири конца XIX — начала XX вв. / Л. В. Котович // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. — Новосибирск : [б. и.], 1989. — С. 39—51.
13. *Мазур Л. Н.* Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX — начале XX в. / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (127). — С. 251—267.
14. *Никулин В. Н.* Крестьянские начальники в Сибири (1898—1917) / В. Н. Никулин // Вопросы истории. — 1987. — № 1. — С. 170—175.
15. *Новомбергский Н. Я.* По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному ; образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Я. Новомбергский. — Санкт-Петербург : Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1903. — XVI, 335 с.
16. *Степнянин В. А.* Крестьянские начальники Енисейской губернии / В. А. Степнянин // Ученые записки Красноярского педагогического института. — 1957. — Выпуск 1. — С. 67—88.

17. Суворова Н. Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII — первой половине 60-х гг. XIX вв. : автореферат ... кандидата исторических наук / Н. Г. Суворова. — Омск, 1997. — 25 с.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 26.02.2023;
подготовлена к публикации 24.03.2023.

Material resources

- Astyrev, N. M. (1886). *In volost clerks. Essays on peasant self-government*. Moscow: V. V. Islenyev Type. 272 p. (In Russ.).
- Collection of laws on the organization of peasants and foreigners of Siberia and the Steppe region: In a new way, 1902*. (1903). St. Petersburg: Type. D. V. Chichinadze. XL, 474 p. (In Russ.).
- GACC — *The State Archive of the Krasnoyarsk Territory*. (In Russ.).
- Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces, IV (2)*. (1893). Yenisei province. Irkutsk: Printing house of K. I. Vitkovskaya. 129 p. (In Russ.).
- Peasant guardians. (1911). *Siberian questions*, 40—41: 19—22. (In Russ.).

References

- Anfimov, A. M. (1962). *The Russian village during the First World War*. Moscow: Sotsekizgiz. 384 p. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2017). *Muzhikskaya pravda. Customary Law and the Court of Russian peasants*. Moscow: Common place. 334 p. ISBN 978-999999-0-25-7. (In Russ.).
- Dameshek, L. M., Dameshek, I. L. (2016). The implementation of the “Temporary regulations” on peasant and “foreign” chiefs of Siberia 1898—1917. *Humanities in Siberia*, 23 (2): 71—75. DOI: 10.15372/HSS20160216. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1971). On the question of the nature and significance of the peasant land community in Russia. In: *Problems of socio-economic history*. Moscow: Nauka. 341—359. (In Russ.).
- Germizeeva, V. V. (2019). Activity of congresses of peasant chiefs in Western Siberia: on the question of efficiency (1898—1917). *National Priorities of Russia*, 1: 3—8. (In Russ.).
- Ginev, V. N. (2015). Zemstvo chiefs: objective necessity or reactionary counter-reform? *St. Petersburg Historical Magazine*, 4 (8): 47—64. DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00063. (In Russ.).
- Gordeeva, M. A. (2018). Rural administration as part of the peasant self—government of the Tomsk province of the late XIX — early XX century: the formation of independence M. A. Gordeeva. *Journal of Frontier Studies*, 4: 11—22. DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10019. (In Russ.).
- Kachorovsky, K. R. (1906). *Russian community*. Moscow: Typo-lithography of the Russian Association. 362 p. (In Russ.).
- Konovalov, I. A. (2014). Peasant community as a subject of state-legal and municipal-legal regulation in Siberia in the pre-revolutionary period. *Bulletin of Omsk University. The series “Law”*, 3 (40): 13—19. (In Russ.).
- Kotovitch, L. V. (1989). Organization of public self—government among Russian peasants of Siberia of the late XIX — early XX centuries. In: *Community and fam-*

- ily in the Siberian village of the XVIII — early XX centuries*. Novosibirsk: [b. i.]. 39—51. (In Russ.).
- Mazur, L. N. (2014). Formation and evolution of rural Bureaucracy in Russia in the second half of the XIX — early XX century. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 2 (127): 251—267. (In Russ.).
- Nikulin, V. N. (1987). Peasant chiefs in Siberia (1898—1917). *Questions of History*, 1: 170—175. (In Russ.).
- Novombergsky, N. Ya. (1903). *In Siberia. Collection of articles on peasant law, folk law; education, economics and agriculture*. Saint Petersburg: Type. Malolet charity houses. Poor. XVI, 335 p. (In Russ.).
- Stepynin, V. A. (1957). Peasant chiefs of the Yenisei province. *Scientific notes of the Krasnoyarsk Pedagogical Institute*, 1: 67—88. (In Russ.).
- Suvorova, N. G. (1997). *Peasant self-government in the state village of Western Siberia in the 60s of the XVIII — first half of the 60s of the XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 25 p. (In Russ.).
- Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. 808 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. (1992). *The Peasant community of European Russia. 1907—1914*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).

*The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 26.02.2023;
accepted for publication 24.03.2023.*